

пался. Такимъ манеромъ прослужилъ онъ три года, взялъ скрипку и принесъ ее портному.

Ну, тотъ и говоритъ: «теперь, Захаръ, поди ты отслужи мнѣ послѣднюю службу; тогда я тебя домой отпущу!» Пошелъ Захаръ рыбу ловить; попалась ему щука и говоритъ: «отпусти меня, Захаръ; я тебѣ угоды дамъ: чего ты у кого ни попросишь, все тебѣ дадутъ.»—Хорошо, говоритъ; и выпустилъ ее. Приходитъ онъ къ хозяину; тотъ только хотѣлъ его бранить, а онъ и попросился домой. Портной его сейчасъ и отпустилъ. Пришелъ онъ въ свою деревню заигралъ на дудкѣ, всѣ и заплясали, до устали плясали... Зажилъ онъ хорошо. Что ему нужно, попросить, всего ему даютъ...

(Изъ Тамбовской губерніи).

117.

МУЖИЧЕНКО СЪ КУЛАЧЕНКО.

Насѣялъ мужикъ пшеницы; только всякую ночь кто-то ее вытаптываетъ. Послалъ онъ сперва старшаго сына караулить, тотъ не караулилъ; на другую ночь послалъ средняго, средній не караулилъ. На третью ночь послалъ онъ дурака. Тотъ взялъ дубинку и пошелъ караулить. Вотъ въ полночь онъ и видитъ: кто-то пригналъ табунъ лошадей; и начали онѣ топтать пшеницу. И видитъ дуракъ, что гонять лошадей эдакой маленькій мужиченко. Онъ его и схватилъ; тотъ и говоритъ дураку: «дуракъ!пусти меня: я тебѣ три угоды дамъ.»—Не надо мнѣ, говоритъ, ничего; вотъ я тебя къ батюшкѣ представлю.—Пошелъ, принесъ къ отцу.

Только мужикъ сейчасъ же взялъ его да царю и отнесъ. Тотъ ему сколько денегъ далъ выкупу, а самъ посадилъ мужиченко-съ-кулаченко въ золотую клетку и повѣсилъ его въ садъ. А самъ повѣстилъ всѣмъ своимъ знакомымъ, и народу повѣстилъ: «собирайтесь смотрѣть на эдакую штуку!»—

Вотъ пошелъ разъ гулять въ садъ Николай-царевичъ; ему еще было тогда лѣтъ десять. И просить его мужиченко - съ-кулаченко: «Николай царевичъ! не дай ты меня на посрамленье, выпусти меня!» Тотъ и говоритъ: да какже я тебя выпущу-то: у меня ключей нѣтъ? — «А ты вытащи—говорить мужиченко - съ - кулаченко-то, у царя изъподъ подушки, когда тотъ отдыхать будетъ.»—Тотъ вытащилъ ключи и выпустилъ этаго мужиченка-съ кулаченко.

Вотъ народъ съѣхался; царь хватился, а мужиченка-съ кулаченко нѣтъ. «Кто выпустилъ? Кто выпустилъ?» Пошли разыскивать; нашли что Николай царевичъ. Только царь было и хотѣлъ казнить его; но тамъ ему и присовѣтовали отпустить его съ дядькой на всѣ четыре стороны. Такъ царь и сдѣлалъ; далъ ему съ дядькой двѣ лошади и выгналъ изъ царства.

Вотъ они долго путешествовали; ѣдутъ они одинъ разъ, только и захотѣлось Николаю царевичу пить, онъ и говоритъ: «я пить хочу!» Дядька ему и говоритъ: колодезь будетъ!—Подѣхали они къ колодезю. Дядька и говоритъ: сперва ты меня, Николай царевичъ, пусти, а потомъ я тебя. — Ну дядька полѣзъ, напился, вылѣзъ вонъ. Подѣзъ Николай царевичъ, напился, а дядька его назадъ и не тянетъ. «Побожись, говоритъ, что ты будешь дядькой, а я царевичемъ.»—Ну, тотъ побожился; дядька его и вытащилъ.

Приѣхали они въ одно царство; дядька и говоритъ: «мнѣ на дорогѣ, говоритъ, нагрубилъ мой дядька; сошлите его въ конюшню.» Вотъ его и сослали. Только на конюшнѣ всѣ его полюбили; держалъ онъ себя опрятно, особую кровать поставилъ. Вотъ узналъ про него мужиченко-съ кулаченко и принесъ ему перушко самоцвѣтное и гусли самогуды. Вотъ пошла разъ царевна гулять и слышитъ, что

гусли играютъ; она подходитъ послушать, видитъ, что вся конюшня освѣщена, а Николай-царевичъ спитъ разметавшись и на груди у него самородный крестъ. Вотъ она и рассказала все отцу; тотъ пошелъ самъ, посмотрѣлъ, разбудилъ его и говоритъ: «ну, признайся: вѣдь, ты царевичъ?» — Нѣтъ, говоритъ. — «Признайся; вѣдь, я знаю.» — Ну, Николай царевичъ и признался. Царь и говоритъ: «вотъ тебѣ половина царства и женись ты на моей дочери.» Николай царевичъ женился; а дядьку на конюшню сослали.

(Изъ Орловской губерніи.)

ДЯДЬКА ТОРОПЫГА.

Жилъ былъ царь; у него былъ сынъ Иванъ царевичъ и былъ у него дядька Торопыга. И женился Иванъ царевичъ на Марьѣ премудрой. А у ней была мачиха да такая злая. Вотъ Иванъ царевичъ съ Марьей премудрой спятъ; прилетаетъ птица-вѣщунья и говоритъ: «Иванъ царевичъ спитъ и Марья премудрая спитъ, а того горя не вѣдаютъ, что прилететь къ нимъ мачиха коней на перемѣну: какъ сядутъ, такъ и умрутъ; а кто это слышитъ да скажетъ, тотъ по козѣно окаменѣетъ.» Торопыга услышалъ, ничего не сказалъ; а какъ мачиха прислала коней, онъ ихъ и порѣзалъ. Иванъ царевичъ посердился, однако ничего.

Вотъ на другую ночь прилетаетъ опять птица-вѣщунья и вѣщаетъ: «Иванъ царевичъ спитъ и Марья премудрая спитъ, а того горя не вѣдаютъ, что прилететь имъ злая мачиха платье на перемѣну какъ надѣнуть, такъ и умрутъ; а кто это слышитъ да скажетъ, тотъ окаменѣетъ по поясъ.» — Торопыга все слышалъ, ничего не сказалъ, а какъ прислала мачиха платье, онъ его въ печи сжегъ. Опять разсердился Иванъ царевичъ; ну, ничего.